

Алгебра Слова

В поисках Бога

Алгебра Слова
В поисках Бога

«Accent Graphics communications»

2015

Алгебра Слова

В поисках Бога / Алгебра Слова — «Accent Graphics communications», 2015

Весна. Четверг. Полдень. Я остановился у железнодорожного переезда. Вылез из машины размять затекшие ноги. Иногда жизнь круто меняется под давлением обстоятельств. Чаще неблагоприятных. Болезнь, потеря близкого человека, бедность, горе и прочее. Я считал, что прожил свою жизнь, как можно правильнее. В кадре – честная служба, благополучная семья, две дочери, успешная военная карьера... Но я не достиг ни счастья, ни удовлетворения. И я сам повернул свою судьбу вспять, не дожидаясь пинка от нее. Я начал новую жизнь. В траве под ногами что-то блеснуло. Нагнувшись, я поднял серебристую флешку с надписью: «Zaragosa». Отпив минеральной воды из бутылки и кинув флешку в бардачок, я тронулся дальше. Как жаль, что я не посмотрел тогда, что находится на съемном носителе. Осень. Четверг. Ранее утро. За кадром – рождение сына, о котором я не подозревал, и сложенная мною жизнь первой и единственной любимой женщины. Судьба все-таки успела ударить, сделав так, что я узнал об этом слишком поздно. - Ксюш, достань-ка мне карту, пожалуйста, – попросил я, когда мы направлялись на железнодорожную станцию, надеясь на один единственный рейс со странным названием. - А это что? – Ксения держала на ладони флешку. - Не знаю. На дороге подобрал давно. Поставь, может, там музыка есть, все равно радио не ловит. Следующие часы прошли в гробовом молчании. Мы слушали захлестываемый эмоциями, прерывающийся голос своего сына, которого потеряли, когда ему не было и шести. Он рассказал нам о том, как прошел путь от беспризорного детства до руководителя крупного предприятия в Испании, о том, как жил все эти годы без нас. Когда запись остановилась, я продолжил рассказывать историю. Ведь дальше я находился рядом с сыном несколько месяцев, не зная о том, кем он приходится мне. Мне очень хочется стереть часть жизни и помочь моему пацану найти того, кого он искал.

© Алгебра Слова, 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Вместо предисловия (детство)	6
Глава 1	8
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алгебра Слова В поисках Бога

Вместо предисловия (детство)

Которое можно смело пропустить, поскольку я и сам его нечетко помню – обрывками...

Я вспомнил себя лет в пять-шесть, а может, чуть позже. В пустом доме, в холодной постели. Очень хотелось есть, но на кухне давно уже ничего не было. Выйдя в огород, я нарвал недозрелых груш. Жадно откусывая сочную, жесткую мякоть, я подумал о том, что неплохо было бы нарвать фруктов про запас, чтобы не выскакивать от голода на улицу. Теплым летом фруктовые деревья радовали меня плодами всех цветов радуги, которые я приносил домой и раскладывал их на подоконнике.

В доме была печь, которую я к осени, с наступлением холодов, с трудом научился разжигать. На чердаке дома я обнаружил книги и газеты, а огороде – сарай, полный дров. Позже в ход шли и доски, отломанные от забора и толстые палки, подобранные мною в парках и на улицах города.

Первая зима выдалась трудной, скучной и голодной. Снуя в толпе людей, днем я воровал продукты на рынке с больших лотков, когда продавцы отворачивались. А вечером подбирал грязные, закатившиеся под прилавки овощи.

Больше всего мне хотелось хлеба, вкус которого я стал забывать. Взять мне его было негде.

Днем я слонялся по улицам, замерзая, заходил греться в магазины. Там, шатаюсь среди очередей, я слушал, о чем разговаривали люди.

Из тех мест, где готовили еду, меня прогоняли...

К ночи я возвращался домой и, завернувшись в одеяла и найденную в шкафах старую одежду, вволю наревевшись в подушку, крепко засыпал...

* * *

Вторая зима мне понравилась больше. Я научился варить овощи и крупы. А еще, весной я выучился чтению. Буквы я знал, несложные слоги умел прочесть. Все остальное я подслушал у открытых окон школы. Я залезал на растущее рядом дерево и смотрел на мальчишек и девочек по ту сторону окна. Мне очень хотелось к ним, но я понимал, что это невозможно.

Мы были не равны, пока они сидели за партой, шли домой с новенькими портфелями, гуляли с бабушками на детских площадках или с родителями выбирали игрушки в магазине.

И только вечерами, во дворе, играя в мяч или догонялки, я становился таким же, как они.

Нагулявшись, ребята уходили по домам, и первое время я, оставшись один, плакал от зависти к ним и жалости к себе. Шел в свой пустой и неприветливый дом, что-нибудь ел и забирался с книжкой на кровать. Читая, я окунался в другой мир, и надолго отвлекался от своего. Иногда залезал на крышу, где небо, которое я всегда любил, казалось огромным. Там я мечтал обо всем на свете, о том времени, когда я вырасту...

* * *

...Мне кажется, именно тогда я стал искать Бога. Того, кто должен был бы быть ответственным за мое существование в этом мире. Он встречался мне практически в любой книжке. Он был разной национальности, у него были различные имена... Я разговаривал с ним, доказывая свое право на жизнь среди людей. Я просил его... Ругал... И даже благодарил. Иногда.

...Я искал его постоянно и, более того, находил. Ненадолго. До того момента, как терял и понимал, что опять ошибся. Он встречался мне в красоте закатного небосвода. Я видел его очертания в некоторых людях. Я слышал его дыхание в легком ветерке. Я чувствовал его силу в трехдневном ливне. В любви, в дружбе, во сне – везде я ощущал его следы и шел за ним...

Бродяга, он никогда никого не звал за собой, идя своим путем свободного духа. Но я как щенок, приюхиваясь, ступал за призраком. Я искал его дорогу, надеясь догнать его.

* * *

Большую часть времени я проводил на улице. Домой меня загоняли темнота, холод и сон. Все детство я был предоставлен сам себе. Это была свобода, облаченная в одежды одиночества. Обнаженная, она дарила мне независимость и ею же наказывала, одеваясь.

Настроение мира зависело от количества денег в кармане, и лет с одиннадцати или двенадцати я смог работать. В силу возраста, отсутствия документов и прочего, ничего лучше рыночного грузчика, я сначала не нашел. Успел недолго поработать кондуктором, пока водители разрешали подменять запойных сотрудниц. Пробовал продавать газеты. Дворник, сторож, курьер, уборщик... Я прошел почти все.

Я очень хотел иметь документы и существовать на законном основании, но никаких попыток для этого не предпринимал. Я боялся того, что у меня отнимут дом. Я понятия не имел, чей он вообще, и как я в нем оказался. Дом находился за пустырем, на краю города. Каким-то чудом на него не приходили ни квитанции, ни счета. Вся возня с документами грозила мне остаться и вовсе без крыши над головой. Поэтому я надеялся когда-нибудь просто купить документы. О том, что все на свете продается, я узнал непозволительно преждевременно. Я успел возненавидеть деньги прежде, чем научился их зарабатывать. Потом я ненавидел их еще сильнее. Слишком тяжело они доставались мне. И слишком много зависело от них...

Глава 1

– Привет, – Алка распахнула дверь, тряхнув кудрявой русой челкой, – я сейчас буду жарить беляши. Я принесла мясо. Мука есть?

Я кивнул, не отрываясь от книги.

– Виталька придет позже. Сказал, принесет коньяк, – донеслось из кухни.

– Алл, – подошел я и прислонился к косяку, наблюдая, как она моет тряпкой стол. – Как мне паспорт добыть?

– Не знаю, – она пожала плечами и, тщательно протерев стол полотенцем, насыпала горькой муку. – Зачем он тебе?

– Я не могу нормально работать.

Она с сочувствием посмотрела на меня и в тысячный раз предложила:

– Давай в милицию пойдем?

– Посадят еще, чего доброго. Дом отберут. В приемник определяют.

– Ну да... Ну да... – рассеянно кивала она в такт рукам, нажимающим на тесто. – Не знаю, и посоветоваться не с кем.

Дверь в дом с привычным скрипом распахнулась и в кухню, сбрасывая на ходу ботинки, вбежал мой второй лучший друг.

– Я коньяк достал! – вместо приветствия толкнул меня Виталька. – Гуляем! Обмываем мой диплом.

– А я не могу получить образование!!! – стукнул я в сердцах кулаком по двери.

– Послушай, брат. Не расстраивайся ты. Сделаешь себе паспорт, и что? В школу пойдешь, в первый класс? Заработаем денег, купим тебе какой-нибудь паспорт, аттестат, да и все. Или вот что. Давай его просто украдем у кого-нибудь? – предложил Виталик, отковыривая ножом плотно прилегающую к горлышку обертку.

– Придурок. А он будет не действителен, когда хозяин хватится и выправит себе новый? Мне потом другой паспорт воровать? Это государство! И я не могу год жить под одним именем, потом воровать себе чужое на следующие полгода, пока меня не поймают. Но и официантом я не могу всю жизнь работать на дядьку, который соизволил взять меня без документов!!!

– Эх, – Виталик разлил коньяк в две чашки. Одну протянул мне.

– Чего пьете, подождите! Накрою на стол, давайте по-человечески! – укоризненно обернулась на нас Алка, положив первый беляш на сковороду с зашипевшим маслом.

– Давайте по-человечески, – захохотал Виталик. – Именно! Человеки, дайте ему по-человечески жить!

– А ну вас к черту! – психанул я и, разозлившись, вышел на улицу.

Пройдя два квартала быстрым шагом, я почувствовал, что злость осталась позади, словно мне удалось ее обогнать. Обнаружил я это посреди проезжей части, когда увидел слепящий свет фар и услышал визг тормозов. Дорогая, черная, блестящая, холеная, я бы сказал, машина остановилась в десяти сантиметрах от моих ног. Я не мог сдвинуться с места.

Дверь открылась, и из автомобиля вышел мужчина. Волосы его тронула седина, смуглое лицо украшали мелкие морщины. На вид ему можно было дать немало лет, но и стариком я бы его не назвал. Что-то в нем оставалось от молодого охотника, которым он, вероятно, и был много лет назад...

Он стоял и смотрел на меня. То ли слишком много ненависти скопилось в моих глазах, то ли обиды, то ли еще чего, но мужчина вдруг кивнул на пассажирское сиденье:

– Садись.

* * *

Я вернулся домой поздно. Виталька смотрел футбол. Алка мыла окна в зале. Шторы валялись на полу.

– Где был? – спросила Алка. Она напевала что-то себе под нос и газетными комками с упоением рисовала энергичные круги на стекле. – Я шторы замочу, а ты завтра их прополоскай и повесь.

Я прилег на диван. По телевизору шел первый тайм, а значит, Виталика еще «не будет» около часа. Меня спорт не интересовал, как болельщика. Вообще, он меня никак не интересовал. В детстве мы играли во дворе, но я это делал от скуки и для самоутверждения среди мальчишек, а не из-за самой игры. Хотя у меня хорошо получалось. Дворовый футбол и подарил мне первого друга.

...С Алкой я познакомился следом. Она шла со школы и ревела во весь голос.

– Эй! – не выдержав ее рыданий, я окликнул девчонку. Как обычно, я сидел на дереве возле школы и смотрел в окно. А Алка, очевидно, решила пореветь в обнимку с моим деревом и не давала мне сосредоточиться на том, что я видел в окнах. На доске были записаны условия задачи, и, четвертый по счету ученик мялся с ответом. Я мысленно задачу решил, но у меня имелось два способа решения. И теперь я ждал, с интересом наблюдая, какое же из них окажется наиболее рациональным.

– Ты зачем там сидишь? – подняла она голову.

– А ты зачем тут реवेशь? – переспросил я.

– У меня три двойки сегодня, – поделилась она своим горем.

Я присвистнул, словно выражая сочувствие. На самом деле я выказал удивление. Такая с виду прилежная девочка, и три двойки, да еще и за один день, где уроков-то было не больше четырех.

– Домой боюсь идти. Убьют, – продолжила она.

– Тогда пошли ко мне! – не раздумывая, я протянул ей руку помощи.

Алка кивнула и перестала реветь. Я спрыгнул с дерева, и мы пошли. По дороге я узнал, что учиться ей очень тяжело, она не успевает, а дома за это постоянно наказывают. Алка очень искренне сетовала на свою тупость.

Через полчаса мы были на пороге моего дома. И ко мне, с опухшими от слез глазами и растрепанными косичками зашел маленький бог. Он остался рядом на многие годы.

Я, желая утешить Алку, рассказал ей о более крутых вещах, чем три двойки за день. Она от удивления села в коридоре на пол, так и не встала, пока слушала меня. Она молчала, и я видел, как туго ей понять то, что я живу совершенно один, у меня часто нет еды, мало необходимой одежды и нет ни единого взрослого, кто должен был бы меня растить...

...С тех пор жизнь моя стала светлее на одну голову с кудрявыми рыжеватыми волосами и зелеными глазами, а главное – умелыми руками.

Алка приходила ко мне после школы и с удовольствием хозяйничала в моем доме. У нее была какая-то патологическая страсть к порядку и уюту. Она приносила из дома еду, постельное белье и все, что могла незаметно утащить. Пока она строила из себя «хозяйку», я лез в ее ранец и ходил за ней по пятам, стараясь объяснить ей ее же уроки. Но, больше троек она все равно никогда не получала. Зато она выпрашивала у матери все хозяйственные секреты и приводила их в действие у меня. Скоро во всем доме криво повесились занавески, на старой мебели лежали тщательно выстиранные кружевные салфетки, а на кухне вечно что-то экспериментально варилось...

Потом Алка добралась до огорода. Правда, в первый год, у нас, кроме картошки, укропа и однолетних цветов мало что выросло.

Иногда она звала в гости своих подружек, и мой дом превращался то в королевский дворец, то в многопупсовый дом, то в салон красоты, то в концертную площадку...

Я не понимал, почему ее не интересует учеба. Мне нравилось учиться, причем, все равно чему. Когда я читал, все исчезало. И мне было не так тошно, потому что в эти моменты я мог позволить не думать о себе о том, как жить дальше. И, главное, зачем. А вот Алке было непонятно, почему меня не радует вкусный пирог или новое покрывало на диване, на которое она копила полтора месяца. Если школьные знания ей не давались, то любые другие бытовые навыки она приобретала с легкостью и делилась ими со мной.

Именно она отговорила меня рассказать какому-либо взрослому о моей судьбе. Алка запугивала тем, что меня упекут в детский дом. При этом она делала страшные глаза, и с жаром убеждала в том, что меня остригут налысо, будут все время бить и мыть кипятком. Где Алка нахваталась таких впечатлений о месте для детей, у которых нет родителей, я не знал. Но всякий раз, когда я грустил, она выдавала такие мрачные перспективы и такие ужасающие подробности моего будущего, что через пару минут, я начинал свято верить, что мне, одиноко живущему в доме, несказанно повезло.

Полседьмого Алка уходила домой, а ко мне являлся другой маленький бог с мячом. Мы шли на улицу и до ночи гоняли в футбол. У Витальки семья была зажиточная, и в этом мне повезло. Он таскал мне свои вещи и отдавал деньги, предназначенные для завтраков. Не знаю, как его родители верили в то, что он терял ботинки, куртки, рубашки и даже носки, но проблем с одеждой у меня с тех пор не было. Правда, я к Виталику не мог прийти в гости, потому что ходил полностью в его, якобы потерянных, вещах. Я приходил иногда к Алке, пока ее родители были на работе. Мылся и ел удивительно вкусные блюда. Позже, Алка, научившись, готовила их мне у меня дома.

Виталик вынес из дома и телевизор, и утюг, и видеомаягнитофон. Правда, пришел он после этого выпоротый. Родителям он соврал, что потерял ключи, и все подумали, что их обокрали, за что и всыпали.

От всех взрослых и других детей, мы тщательно скрывали, что я расту один. Это был наш секрет, и мы с честью охраняли его много лет. Я давал Алке возможность иметь свой дворец и делал за нее уроки, Виталику – хорошего партнера по футболу и верного друга на жестокой улице, а ребята обеспечивали меня всем необходимым. Мы были нужны друг другу...

* * *

Матч кончился, а у Виталика еще горели глаза. Его команда проиграла, и он в сердцах махал руками, доказывая нам с Алкой, что виноват тренер, неправильно построивший технику защиты.

– Диплом-то будем обмывать? – я дождался, пока эмоции у Виталика дадут вставить мне хоть полслова.

– Да... – вспомнил Виталик и вмиг осунулся. Он был одержимый футболист, а не инженер, которого из него безапелляционно сделали родители, заботясь о его будущем. Перечить родителям он был не в состоянии. У Витальки было огромное чувство долга перед ними, которое он успешно глушил водкой.

Мы ушли на кухню. Алка появилась следом, бормоча что-то себе под нос.

– Ты чего там все стонешь? – поинтересовался я.

– Она поет, не слышишь? – ответил за нее Виталька.

Легкая улыбка таилась в уголках ее губ, а глаза сияли.

– Влюбилась она, – презрительно заявил Виталька, и в подтверждение сказанному, Алкина улыбка стала еще заметнее.

– Ммм... – промычал я. – Давно пора.

– Давайте пить, – раздраженно сказал Виталька. – Выкинуть бы этот диплом, да уехать в какой-нибудь футбольный клуб. Я б за бесплатно играл! Только б играть дали!!! Я б все время тренировался. И день, и ночь – только б дали!

– Ну, покажись кому-нибудь, может, возьмут? – прервала его Алка.

– Куда уж теперь. Играть надо было с детства по многу часов, с профессиональной командой, а у меня какая практика? Бестолковая беготня во дворе с дырявым мячом? Да и то, только при хорошей погоде и при наличии таких же игроков, которых с каждым годом становилось все меньше...

– И что? – спросила она. – Что теперь делать?

– Ничего, – зло ответил Виталька. – Замуж выходить, как некоторым!

– Ну и что? – взъелась Алка. – Я хочу! Я хочу иметь свой дом, растить детей и вкусно готовить. Чтобы друзья приходили. Чтобы в саду было много роз! И дом был красивый-прекрасивый! У меня родится девочка, я ей нашью платьев! У меня будет кошка и собака, еще утят...

– Курица, – с ужасом резюмировал Виталька.

– А ты! – задохнулась Алка. – Ты...

У меня внезапно потемнело в глазах. Очень резко и больно. Я часто-часто заморгал. В это время я увидел раскрасневшееся Алкино лицо, которое вдруг преобразилось в ее же лицо, только немного изменившееся. И еще я смутно увидел очертания полного мужчины, следом за этим мелькнуло лицо младенца. Уродливого мальчика. У него не было век. Я вылетел из-за стола и подбежал к раковине. Умылся холодной водой.

– Что с тобой? – обернулась Алка.

– Это ему от твоей мечты поплохело. Это ты его довела своими куриными мозгами, – сказал Виталька.

– А ты сам-то лучше проживешь свою жизнь? – торжествующе поддела она его. – Хочешь ли ты играть или не хочешь, но у тебя будет то же самое!

– Не будет! – вскочил Виталька. – Я сопьюсь от такой тоски! Я умру!

– Хо-хо, какие мы деловые. А чего тогда учился и диплом получал? Спивался бы себе на здоровье. А лучше убежал бы в детстве в свою футбольную школу. Вообще, что это за мечта – играть в футбол?

Виталик сел за стол. Глаза его потускнели:

– Я хочу играть. Я больше ничего не хочу. Но никто мне не даст. Я сам себе не дал. Я не догадался сбежать в детстве от прекрасного будущего. Уже все поздно. Ну, а ты? Что это за цель в жизни у тебя?

– Нормальная цель. Мне хочется быть женой и матерью, хочется быть хозяйкой. Мне нравится это. Детей люблю. Кстати, – Алка повернулась ко мне, – я сказала, что ты – мой брат.

– Кому сказала? – удивился я.

– Толику, – покраснела она. – Как я ему объясню? Друзья детства не могут быть противоположного пола. Он не поверит, что мы дружим. Я вас перезнакомлю и потом расскажу. Он не поймет, если ему рассказать сразу.

– Отлично. Чем попытаться объяснить, лучше отречься! – хохотнул Виталька. – А я тоже брат?

– Нет, ты его лучший друг, – серьезно ответила Алка. – Хватит ржать. Не все могут понять то, что для других может быть вполне естественно.

– Во, блин, продала друзей, – продолжал смеяться Виталька.

– Ничего я не продавала и не отрекалась. Это временно. Потом расскажу. Пока пусть так будет, а то он не поймет. Я вас предупредила!

– Ладно, ладно, – махнул Виталик рукой. Он полез в карман и вытащил на стол паспорт и диплом. – Вот, короче. Можешь пользоваться. Я-то заявлять не буду. А ты хоть устроишься

куда. Трудовых можно завести не одну. Или работать по совместительству. Ты на одной работе, а я на другой. Пока ничего лучшего в голову не лезет.

– Нормально и так, пока, – обрадовался я. Работать инженером я вполне мог, ведь я проходил вместе с Виталькой весь его институтский курс. Да и дипломная работа, как и все курсовые, были блестяще написаны мной, пока Виталька гулял ипил. Он был сообразительным и умным парнем. Но ему было лень учиться. Сильно учиться было лень. Не интересно. – Я завтра на завод пойду тогда.

– Сереж, – спросила Алка, – а как ты узнал свое имя и фамилию, если никаких документов никогда на тебя не было?

– Я помнил. Я это знал, как себя. Сергей Ванин. Отчества не знаю, – ответил я.

– А вдруг ты не так помнил?

– Ну, может и такое.

– Все-таки странно. А в доме были какие-то вещи родителей? Как ты вообще оказался в этом доме?

– Не знаю... – задумался я. – Может, какие документы и были. Я, маленький, печку разжигал газетами и книгами, всей бумагой, которую находил. Может и сжег... А вещи... Не помню. Че-то было и взрослое, ты же тут столько лет в шкафах порядка наводила. А, вот еще что вспомнил!

– Что? – с надеждой спросила Алка.

– Дом-то окружен старым забором. Покосившиеся доски, возможно, когда-то и были покрашены, но тогда они были черно-серыми... Страшными. Они мне напоминали скелетов, которые взяли дом в кольцо, чтобы утащить за собой вглубь земли, откуда они сами вылезли. Я, маленький, боялся забора, когда садилось солнце. Доски-скелеты в это время оживали и, злобно усмехаясь, поглядывали в окно. Когда приходило утро, я понимал, что это обычные доски забора. Но мне казалось, что скелеты всего лишь прикидываются досками, чтобы неожиданно напасть на меня!

– Замолчи сейчас же! – прервала меня Алка, тут же взглянув в окно. Она вздрогнула и, быстро встав, задернула поплотнее шторы. – Виталик, завтра же покрасите забор с Сережей!

– Еще чего выдумала, его менять давно пора, а не красить! – лениво ответил Виталька, наливая коньяк. – Ты не знаешь законов. Черные дыры во вселенной не закрасишь белым. Получится серая бездна. Тогда опасность от дыр увеличится, ведь они станут незаметными и смогут подкрасться ближе.

– А самое страшное... – продолжил я. – Ночной скрип в темноте. Когда я услышал его впервые, я подумал, что это пришел хозяин тех скелетов и зовет их уничтожить мир. Я только через месяц, наверное, понял, что это от ветра стонал старый дуб под окном.

Алка, пожившись, схватила за штору, испуганно посмотрела сквозь образовавшуюся щелку в окно, и опять прикрыла.

– И дерево спилите завтра. А то на крышу еще завалится.

– Плохая примета, – могильным голосом продолжил Виталька. – Если у дома спилить дуб, то в доме перегорают лампочки и в черной комнате появляется черный-черный гроб.

Алка завизжала.

– Больная, что ли? – заорал Виталька.

– Заткнитесь оба!!! Бестолочи! – зажав уши, закричала Алка. – Мне страшно!

Мы тут же замолчали, на кухне стало тихо. А за окном недовольно скрипнуло дерево. Алка вскочила, захлопнула форточку, села к столу, и дрожащими руками потянулась за Виталькиной кружкой.

– Э! – Виталька отодвинул от нее кружку. – Беляши лопай. От страха утоление голода помогает. А продукт мне не переводит, все равно не пьешь. Ладно, мы пошутили.

Алка поставила чайник на плитку, достала из буфета банку с заваркой и коробочку с сахаром.

– И никто не приходил никогда? – спросила Алка, успокоившись. – Если это твой дом, то у твоих родных, допустим, были ведь друзья, соседи те же? А сами родные – погибли?

– Никто не приходил. По крайней мере, когда я был дома.

– А кто придет, дом на отшибе. Может, они только переехали, его оставили дома, а сами уехали в магазин и погибли? – предположил Виталик.

– А-а-а, – Алка зажала руками рот, – может, его тут бросили? Какая-нибудь мать приехала в этот город и бросила в пустующем доме?

– Ну, зачем так-то? Бросила бы на улице. Хоть люди бы подобрали. А здесь я мог и погибнуть от голода или холода, – мне стало неприятно от мысли, что меня специально бросили. Мне приятнее было думать, что родители погибли, а не бросили. Я так и думал все годы. А точнее, я не думал об этом. Мне это было уже неважно.

– Я вот что подумал, – сказал Виталька, – надо сделать запрос в кадастровую палату на объект недвижимости. И тогда узнаем, кому принадлежит дом.

– Не лезь, – испугался я. – А ну, как дом отберут?

– Не, это стандартный запрос делается при покупке. Любым лицом. Никто никуда не заявит. Выписку дадут, да и все.

– Ой, поглядите, какие мы умные! У нас нет номера дома! – возразила Алка, наливая кипятка в кружку. – Чай будете?

– Улица есть, по интернету посмотрим, – Виталька достал телефон. Мы уставились в экран. К этому месту сходились три улицы, потом был пустырь и мой дом. На снимке со спутника квадратик дома виднелся. А на картах его не было. Город оканчивался пустырем, потом шли поля и леса.

– Узнали, – разочаровалась Алка. – Пошли, Виталь, домой, поздно уже.

Проводив их до калитки, я залез на крышу. Надо мной распласталось ночное небо. Я думал о человеке из машины, о том, что увидел в Алкином лице, когда у меня потемнело в глазах. Вдруг мне дико захотелось расправить крылья и улететь навсегда в свободный простор неба. Я вздохнул и, спустившись с крыши, отправился спать.

Сон с трудом втискивался в мои путанные мысли. Засыпая, я снова увидел мужчину и женщину. У нее были голубые глаза и длинные каштановые волосы. Мужчина был физически развитым, пострижен наголо. Этаким атлет. Я их видел не первый раз. Их смутные очертания преследовали меня иногда, когда я засыпал. После Алкиных расспросов, мне пришло в голову, что это и есть мои родители. Но мужчина в моем видении вдруг качнул головой и улыбнулся, и я четко увидел его синие глаза.

«Не они, – подумал я, окончательно засыпая. – У меня темные глаза и волосы... Кто же они?»

* * *

Неприветливое коричневое здание мрачно высилось за воротами голубого идиотского цвета. Небесный цвет никак не подходил ни к металлическим прутьям, ни к облупленному проходному пункту, миновав который, я оказался в пыльной комнатухе отдела кадров. Вакансии инженера не оказалось. Мне предложили ставку подсобного рабочего. Подумав минуту, я согласился.

Молодая девушка заполняла бумаги, украдкой поглядывая на меня задорными светлыми глазами. Она то и дело кокетливо поправляла волосы, хотя прическа была в порядке. Я понял, что ей понравился и улыбнулся.

– Приходите завтра к восьми. Смена начинается в шесть утра. В цехе подойдете к мастеру, он вам все покажет, – любезно сказала она, возвращая мне документы.

– Спасибо, – кивнул я и вновь улыбнулся.

«Как хорошо все вышло, – вздохнул я с облегчением, выходя из ворот на улицу, – работу в ресторане можно пока не бросать. Тут с утра, а там до ночи. И с документами пронесло. Как все-таки здорово, что фотографии в паспортах нецветные, да и девчонка не особо вглядывалась, заинтересовавшись мной».

Я подумал о том, что иногда мне просто везло. Только везло, почему-то в незначительных мелочах, как сейчас. Вакансия инженера отсутствовала, зато рабочим взяли без всяких проволочек. Почувствовав в своеобразной удаче подвох, смахивающий на насмешку высших сил, я немного расстроился и домой решил прогуляться пешком.

Лениво раздумывая о существовании кого-то более сильного, более мощного, чем является человек, я шел по тротуару. По дороге проехала мимо белая машина. Я смотрел на ее удаляющийся номер и вдруг почувствовал ту же вчерашнюю резь в глазах. Изображение машины неожиданно смялось гармошкой под большим полуприцепом. Когда, зажмурившись на секунду, я снова открыл глаза, то белая машина была уже вдалеке, почти в конце улицы.

Остальную часть пути до поворота я вспоминал белокурую девчонку из отдела кадров и размышлял о том, как бы пригласить ее погулять. Опыта у меня в таких делах не было, и я решил посоветоваться с Виталькой.

Но на перекрестке мне пришлось остановиться. Та самая белая машина въехала в грузовой автомобиль. Точь-в-точь, как я увидел...

В изнеможении я опустился на лавочку, стоящую на остановке. Долго сидел, пока не приехала автоинспекция, пока эвакуатор не забрал автомобиль, пока все зеваки не разошлись, и больше ничего не напоминало об аварии.

«Я увидел будущее. Как? Совпадение? Случайность?» – я пытался сосредоточиться и увидеть что-нибудь еще. Но ничего необычного больше не происходило. Я потер вспотевшие ладони друг о друга.

Люди шли по своим делам, машины двигались в своем направлении, периодически подъезжали автобусы и маршрутки, входили и выходили пассажиры. Деревья шевелили листьями, солнце стояло в зените. День жил своей обычной жизнью.

Вдруг пришло в голову, что меня тут нет, что это чужая, живая картинка. И что-то в ней было не так. Мне захотелось опять к Соломону домой. К тому мужчине, которого я встретил вчера на дороге.

* * *

– Что ты делал на проезжей части? – строго спросил он, когда я сел к нему в машину.

– Нечаянно вышло. Я переходил дорогу, машину не заметил.

– Неправда. Ты стоял, – возразил Соломон.

– Извини, – пробормотал я. – Я был зол и шел, не разбирая дороги.

– Очень скверно, – отрезал Соломон. Я, конечно же, подумал о том, что он начнет меня ругать за то, что я мог оказаться причиной аварии. Соломон добавил: – Что ты не в состоянии контролировать свои эмоции.

«Хорошо тебе указывать. Жизнь прожил и не слабо, судя по машине. Чего б теперь не порассуждать-то о моих эмоциях, когда я и так насдерживался столько, что только на луну не был порой», – обиделся я и промолчал, уставившись в окно...

– Куда мы едем? – очнулся я.

– Я еду к себе домой, – спокойно ответил он, делая ударение на первом слове.

– А я? – поинтересовался я, мгновенно сбитый с толку его интонацией, и тотчас же понял, насколько глупым получился мой вопрос.

– Ты, очевидно, едешь ко мне домой, – расхохотался Соломон, довольный своей небольшой ловушкой. Он представился: – Соломон.

Я смутился.

– Тебя зовут Сергей, – ровным тоном продолжил он, словно назначая мне имя.

– Да? – опешил я от неожиданности.

– Да, – подтвердил Соломон, смеясь. Я растерялся окончательно, но Соломон, заметив и это, пояснил: – Ты работаешь в моем ресторане.

У меня запылали щеки. Я совсем не ожидал встретить своего работодателя. Трудился я барменом третий месяц, благодаря доброте душевной моего напарника. Но доброта не бывает бескорыстной, поэтому за то, что он дал возможность работать без документов, я отдавал половину своего заработка товарищу. Денег хватало, и я не стал заострять свое внимание на природе человеческого участия в чужих трудностях. Единственное, что меня напрягало, это то, что напарник вынуждал меня недоливать напитки, в коктейли подмешивать более дешевые ингредиенты. Он корректно настаивал на том, что раз есть возможность заработать, то ее нужно использовать по максимуму, и каждый месяц увеличивал свою долю. Изворачиваться, лгать, выкручиваться, выискивая любую выгоду – мне было противно, но выбор между гордым голоданием и теплым местом, я нехотя, но сделал в пользу последнего. А сейчас я ехал в машине хозяина заведения, где нелегально работал и, получается, воровал.

«Не обеднеет, впрочем», – попытался я себя оправдать перед собой, но безуспешно. Я решительно был убежден, что так поступать нельзя. Но во мне все равно боролись два мнения. Одно, шаткое, о том, что этот мир не приспособлен для достоинства, и другое, твердое – что я слаб для успешной жизни.

Мы остановились, Соломон вышел и открыл ворота. Когда мы заехали внутрь, то сначала я не увидел дома. Мы еще проехали с полкилометра по асфальтированной дороге, пересекающей сосновый бор с ковром из душистых иголок на две части, прежде чем подъехали к широкому одноэтажному дому с большими, стеклянными верандами по фасадной стороне. Стильный, строгий дом, внутренняя территория, которой не видно конца, хвойный, высокий лес, росший на участке. Я вылез из машины, завороченный пространством.

«Сколько нужно трудиться, чтобы иметь такую красоту... Кем? А, может, надо было родиться под счастливой звездой?» – поскольку последнее предположение мне показалось вернее, естественно, я задумался о том, с какой отправной точки начинается судьба человека, и кто или что определяет ее координаты.

Я вошел за Соломоном в дом. В просторном холле зажегся неяркий свет. Я, рассматривая все вокруг, без всякого разрешения и приглашения, прошел дальше по длинному коридору. Мысли о том, что я веду себя не совсем вежливо, в тот момент меня не посетили.

Свет везде зажегся автоматически в такт моим шагам. Не основной свет, а точечные лампочки-звезды на потолке. Фиолетовые, красноватые, синие – они постепенно загорались и гасли, когда я удалялся. Дом походил на череду удивительно уютных кабинетов с тяжелыми столами, широкими креслами и высоченными книжными шкафами. В центре каждой комнаты лежал тонкий ковер. Красивая, немного старомодная столовая оканчивалась вполне современной кухней. Пара спален, где, кроме широкой кровати, тумбочки и платяного шкафа из мебели не было больше ничего.

Я был в восхищении. Даже полупрозрачные шторы на окнах не висели, как им положено, а величественно струились с потолка до пола. Изысканность дома поражала достоинством и неуловимой, строгой роскошью.

Под неяркий звездный свет, сопровождающий меня и растворяющий темноту в полумрак, я вернулся обратно в холл. Соломон был на кухне, прилегающей к столовой, и варил кофе в турке, вода ее по накаленному песку.

– Понравилось?

– Да, – согласился я. – А как это свет сам загорается?

– Специальный датчик реагирует на движение и замыкает контакты в реле. Если мы пойдем вдвоем, то свет будет в коридоре ярче. Я сам все рассчитывал и проектировал.

– Сам? – удивился я.

– Да, и мой дом не зависит от внешнего электроснабжения.

– Как это? Откуда берется энергия?

– Из воздуха. Долго рассказывать и не думаю, что тебе это интересно.

– Не думал, что владельцы ресторанов увлекаются физикой. У тебя ведь ресторан, – задумчиво произнес я и покраснел. Несмотря на то, что Соломон был значительно старше меня, местоимение «ты» вылетало из меня очень естественно. Перед ним я не чувствовал никакой скованности, словно Соломон приходился мне старшим братом. – Простите, у вас.

– Можно на «ты». Ресторан возник, потому что мне некогда готовить дома. А в своем заведении питаться безопаснее и удобнее, чем в чужом. Но это не мое основное занятие.

– Да... – я сделал глоток терпкого напитка из маленькой чашечки и слегка поморщился от горечи.

– Как тебе работается? – Соломон подвинул мне корзинку с галетами, а сам подошел к раковине ополоснуть свою чашку. Вода тоже полилась сама, как только Соломон поднес руки под кран.

– Хорошо, – добив кофе, я поставил чашку на стол, думая о том, что надо бы уйти, пока расспросы о ресторане не приняли опасный поворот. – Мне пора, наверное. Уже поздно.

– Я сейчас сделаю пару звонков, и мне нужно будет уехать, – согласился Соломон. – Если ты подождешь двадцать минут, то я отвезу тебя.

Не дожидаясь ответа, Соломон вышел. Откуда-то из глубины бесконечного коридора доносился его голос, которым он неторопливо и подробно давал кому-то указания. Я вышел в холл и сел на диван. Мне стало удивительно спокойно. Казалось, случился бы конец света или сильнейшее землетрясение – и это не вывело бы меня из равновесия. Так, наверное, себя чувствуют дети, находясь в утробе матери.

Я вздрогнул и открыл глаза от того, что почувствовал на себе посторонний взгляд. Соломон стоял неподалеку и задумчиво смотрел на меня в упор.

– Поехали? – спросил он.

– У тебя нет семьи? – поинтересовался я на обратном пути.

Соломон мотнул головой.

– Была?

– Нет, – отрезал Соломон. – Не все люди могут понимать и любить друг друга. Поэтому я решил не создавать изначально обреченные на пустое сожительство отношения.

В этом я с Соломоном был полностью согласен. Среди окружающих и знакомых, я редко видел настоящие союзы. Скорее, они относились к доброжелательному соседству, в лучшем случае.

– Тебя отвезти домой?

– Нет, нет! Я выйду здесь, мне еще надо к другу, – солгал я. Мне не хотелось, чтобы Соломон узнал, где я живу.

Машина плавно затормозила на обочине.

– До свидания, – Соломон протянул мне руку.

Когда я прошел с несколько десятков метров, то обернулся: Соломон задумчиво глядел мне вслед, облокотившись на руль.

В тот вечер у меня появился новый бог. Не тот, который мне помогал, а тот, на кого мне захотелось быть похожим.

* * *

Дома всю хозяйничала Алка. Она сняла все цветочные горшки, поставив их на пол в зале. С любовью она протирала крупные листья у одних, других с избытком опрыскивала из пульверизатора, кто-то дожидаясь участия пересаживания в больший по размеру горшок, от некоторых Алка аккуратно отщипывала отростки и перекладывала их в банку с водой, попутно разговаривая со всеми зелеными элементами.

– Ого, сколько их, – удивился я, не замечая ранее полного количества растений. Расставленные по дому они привычно украшали собой пространство, а сейчас, собранные в кучу, создали впечатление неожиданно большой и дружной армии.

– Ага, – самодовольно улыбнулась Алка. Я знал, что цветы являлись ее гордостью. – Перевесь гардину повыше? Так лучше будет.

Я пошел в сени за инструментами и стремянкой.

– Вот ты, мой хороший, как листья раскинул. Тесно тебе? Сейчас я тебя пересажу, небось корням-то и места нет? А ты почему не цветешь? На самом свету стоишь. Что не хватает? И землю купила, и подкормкой поливала. А цветка так и нет третий год. А ты куда разросся? Дай-ка прищипну тебе стебли, свисают как, – ворковала Алка.

Я снял старую гардину и вытащил саморезы из стены. Алка расставляла посвежевшие и умытые растения по местам, разговаривая с ними и сама с собой. Вдруг я представил ее в роли бога, который определял каждому человеку место в жизни. Картинка показалась мне забавной, и я с любопытством наблюдал за Алкой, позабыв о гардине. Я стоял на стремянке и, задумавшись, так и держал саморезы в руках.

Кому-то доставались лучшие места на широком подоконнике, кому-то – интересные, в комнате, на комодe и столе. Но некоторые безжалостно уносились на кухню и ставились на высоком буфете под самым потолком, где было недостаточно света и, вдобавок, жарко, когда готовили еду на плитке.

– А этих ты зачем там ставишь? – я хотел выяснить причину такой несправедливости.

– Для нас. Эти крепкие и там растут прекрасно, – рассудила Алка. – А нам на кухне с цветами приятнее. Всякий цветок при своих условиях растет. У одних их много, у других – их минимум. Есть нежные и капризные, есть сильные и неприхотливые. Угодишь всем – будет сад. А нет – погибнут.

– А может, ему тоже хочется на подоконнике стоять? – возразил я, показывая на горшок, который Алка держала в руках, намереваясь отнести на кухню. Бархатные зелено-бардовые стебли растения с узкими листьями свисали до пола. Мне подоконник виделся идеальным местом: хочешь в окно смотри, хочешь – в комнату. И солнца много, и людей видно.

– Не хочется. Иначе бы так бурно не рос. Ему и на буфете хорошо, значит. Да и потом, на подоконниках нет больше места, – уверенно заявила Алка и унесла моего подзащитного.

– Алл! – влетел я следом на кухню. – Это что же получается?

– Что? – она с недоумением посмотрела на меня.

– Люди так же рождаются? Ты, типа, сильный, вот и расти в темной кухне. А ты, типа, слабый, буду дышать на тебя, лишь бы ты рос.

– Какие люди, чего ты несешь? Ты на завод ходил?

– Да. Завтра на смену пойду.

– Что, взяли?! Как хорошо-то!!!

– Ничего хорошего. Рабочим пойду.

– Не страшно, Сереж. Потом, как-нибудь, утрясется все. Не переживай.

– Вот именно, как-нибудь. Хоть бы кто-нибудь намекнул мне – как?! – горестно заметил я, и на последнем слове Алка вскрикнула.

– Ай! – на полу разлетелись в разные стороны глиняные осколки упавшего горшка, рассыпалась черная земля под раскинутыми светло-бордовыми листьями. – Вроде, я его хорошо поставила. Как же он свалился? Ой, веточки поломались... Ну и ладно, отрастут. А у нас больше и горшка-то нет свободного. Принеси-ка мне пластмассовое ведро. В ведре будешь стоять теперь, пока я горшок не принесу.

Последняя фраза была сказана Алкиным строгим тоном растению в назидание, словно он был виноват в том, что упал.

Когда Алла ушла, я, пожарив себе картошки, сел за стол и взглянул на несчастного с обломанными стеблями, которые еще недавно гордо лежали на поверхности буфета, а теперь огрызками торчали из нелепого ведерка красного цвета, несуразностью своей портя весь зеленый ансамбль.

– Сейчас доем и куплю тебе самый красивый горшок. И на подоконнике поставлю.

* * *

Я и в самом деле направился к цветочному магазину.

– Серега! – окликнул меня с другой стороны веселый голос Витальки. Он с институтскими друзьями стоял возле спорт-бара. Намечался общественный просмотр очередного матча. Вполне безобидное мероприятие, но дико бесполезное, по моему личному мнению.

Через полтора часа я понял, что даже невинное событие с начала, к концу может развернуться на все сто восемьдесят градусов. За соседними столиками тоже сидели болельщики. К нашему сожалению, за команду противника. Их команда, под торжествующие выкрики Виталькиной компании, проиграла. Но болельщики, угрожающе развевая синие шарфы, решили болеть до конца. Тем более, что их было большинство.

Еще через час, сопровождаемый разбитыми стеклами и витриной, раскуроченными столами и сломанными ногами, подбитыми глазами и разорванной одеждой, под вой приближающихся сирен, мы с Виталькой неслись по дворам, не разбирая дороги.

Добежав до какой-то детской площадки, мы, пригнувшись, втиснулись в маленький деревянный домик.

– Вот козлы, – сплевывал кровь Виталик, сидя на корточках. Я потрогал саднящую бровь и припухшую скулу, со страхом представляя себе свое лицо и завтрашний день на новой работе. Драться я не любил, хотя приходилось бывать в переделках и похуже. В основном из-за Виталькиного гонора. Еще с детства он, бывало, ляпнет что-нибудь, а вечером нас уже ждут за гаражами. Сам Виталик задибался редко, но никогда и не молчал. Так что его крутой нрав мы делили на двоих, возмущенно подсчитывая синяки, будучи побежденными, или гордясь ссадинами, если оказывались победителями.

– Надо было уйти. Сами виноваты, – пробурчал я.

– Уйти?! – хотел вскочить Виталик, но я быстро ткнул его кулаком в плечо, напоминая о том, что мы переживаем опасность. Виталька перешел на шепот: – Почему это мы должны были уйти? Веселенькое дельце получается! Мы пришли в бар, чтобы культурно посмотреть футбол, заплатив за отдых свои собственные деньги. Это хозяину бара надо иметь на такие случаи нормальную охрану, чтобы не дать разгореться конфликту!

– Да, если бы выиграла их команда, то они так же могли к нам пристать, и кто-нибудь из наших не выдержал бы... И тоже на тоже и вышло бы. А сколько охраны для дураков надо? Ты посчитай! Нас было около десяти и их человек пятнадцать – двадцать. Тогда не проще было бы сразу наряд к дверям приставить? Одного пистолета бы хватило.

– Нет, – засмеялся Виталик, – там пуль мало.

– Не в охране дело. А в каждом из них, и в каждом из нас. Надсмотрщики нужны тому, кто сам эмоциям своим не властен. Виталь, а как ты с девчонками знакомишься? – я вспомнил белокурую девушку из отдела кадров.

Виталик пожал плечами, как будто я спросил очевидную глупость:

– Просто. Берешь и знакомишься. Я никогда не задумывался об этом.

– Не, ну скажи как? – не отставал я.

– Как? Я не понимаю тебя. Вот стоит девчонка на остановке. Если ничего так с виду, подходишь и говоришь: «Привет, давно ждешь?». Или: «Куда едем?». Сидит в кафе – подходишь, спрашиваешь: «Мартини будешь?». Лежит на пляже – «Как вода сегодня, мокрая или холодная?». В магазине: «Привет, почему сегодня устрицы в маринаде?». Да без разницы что говорить-то. Вообще не имеет значения.

– Без разницы? – мне было непонятно, почему слова, которые кто-то говорит кому-то, могут не иметь значения. – Почему?

– Потому что, потому. Говори, что хочешь. Если ты ей понравишься, ты это сразу поймешь. Если ты ей не понравишься, то тоже сразу поймешь. Слова тут не особо важны. Тут дело в самом человеке. Если он приходится по душе, то, чтобы он не говорил, а иногда, и делал, то хорошее в нем умножается, а плохое – уменьшается. Как-то так. Пойдем? Вроде тихо.

– Ты иди, Виталь. Мне еще по делам надо. Документы твои возле телевизора лежат. Забери.

– Взяли тебя? – спохватился Виталик. – Я забыл спросить.

– Взяли. Только не на ту должность, на которую мы с тобой рассчитывали.

– А... Освободится место, и возьмут. Не переживай, – обнадежил меня Виталька. – Так и к лучшему. Пока на заводе там осмотришься. А меня батя в частную фирму пристроит через пару недель.

– А мне Виталиком называться что ли?

– Ну да, – уверенно согласился Виталька. – А как же?

– А вдруг знакомые попадутся отца твоего или матери?

– Однофамилец. Одноименец. Нормально все будет. Я пошел.

– Давай, – вздохнул я. Виталька, пригнувшись, выбрался из тесного домика. А я глядел ему вслед и немного завидовал. Как цветкам, которые стояли на подоконнике... Которых поливали, за которыми ухаживали. Ну и пусть они стояли в горшках, зато они росли в свое удовольствие и радовали все вокруг. Мне казалось, я был бы прилежным сыном и хорошим человеком, если бы я смог просто жить. Как все. Мне очень хотелось быть, как все.

* * *

– Хорош, – распахнул передо мной дверь Соломон, когда я миновал сосновую аллею. После того, как Виталька ушел, меня ноги сами понесли в тот одноэтажный дом, спрятавшийся среди хвойных деревьев, которые так заманчиво пахнули смолой.

В тот момент, на пороге чужого дома, мне с опозданием пришло в голову, что меня никто не приглашал. А перемахивать через чужие заборы – вообще преступление. Я будто очнулся, но уйти назад не успел – дверь уже открылась.

– Проходи, – ничуть не удивившись моему визиту, жестом Соломон пригласил войти. – Иди, умойся. Ванная – направо.

Отражение в огромном зеркале оказалось не таким уж страшным, как я мог предполагать, если не считать рассеченной брови, разбитой губы и небольшой синева на левой скуле. Волосы были взъерошенные, а темные глаза из-за припухших век стали немного уже. Но в целом, я остался доволен, поскольку ожидал гораздо худшего. Сняв рваную рубашку, я с наслаждением подставил голову под горячую струю воды, вымывая песок из волос.

Прижав к лицу пушистое полотенце, я на мгновение почувствовал что-то родное и далекое. Детство, которого не было. Наверное, меня, маленького, вытирали когда-то вот таким вот пушистым полотенцем. А может, и нет.

Соломон сидел за компьютером в дальнем кабинете, самом уютным из всех комнат, которые я видел в доме. На столе горела настольная лампа, а в углу потрескивали дрова в камине. Соломон сосредоточенно что-то писал, изредка заглядывая в лежащие рядом толстые книги, между страницами которых торчали многочисленные закладки. Я сел на диван, стоящий у стены.

– Соломон, почему ты не интересуешься, зачем я пришел?

– Была бы причина, ты бы сказал ее сразу, – нехотя ответил он, не отрывая взгляда от монитора. – Пришел и пришел. Не мешай мне, прошу.

Я посмотрел на книжные шкафы. Толстыми и тонкими, старыми и новенькими, на разных языках и совсем без надписи несчетные полосы корешков книг гордо стояли на полках за стеклом. И, как будто, свысока смотрели на меня. Я понимал их надменный взгляд. Ведь в каждой книге вложен огромный труд автора, его исследования и открытия, размышления, знания догадки...

«Это ведь и за всю жизнь столько не прочитать. Ни времени не хватит, ни возможностей мозга, чтобы вместить в себя такой опыт человечества... Поэтому оно и топчется, как слон. То нужное раздавит, то мусор хоботом отделить не сможет и проглотит», – подумал я и оглянулся на Соломона. Его пальцы, играючи, касались кнопок клавиатуры с высокой скоростью.

– Вот бы... Иметь бездонную и мгновенную память, да? – проговорил я в раздумьях. – Как компьютер!

– Сейчас выгоню тебя, – молниеносно отреагировал Соломон.

– Хочешь, сделаю кофе? – решил извиниться я. Уходить мне совершенно не хотелось. Здесь была особенная атмосфера. Как будто другой мир. Независимый от того, из которого я явился полчаса назад.

– Кухня там! – с нескрываемым раздражением ответил он и на миг поднял на меня сердитый взгляд синих глаз.

Когда я встал с дивана, чтобы пройти на кухню, на глаза попался коричневый корешок одной книги: «Время – один из признаков конечности».

Я принес сваренный кофе, Соломон уже закончил свои дела, потому что оторвался от компьютера и даже поблагодарил меня. Я прошел к шкафу, чтобы достать заинтересовавшую меня книгу, но к моему удивлению ее не было.

«Показалось», – пожал плечами я.

– Пойдем, подышим, – сказал Соломон, доставая сигареты из кармана.

Мы прогулялись молча по аллее, вдыхая ночной воздух, приправленный хвоей. Дойдя до ворот, я спохватился:

– Мне пора, завтра первый день на заводе.

– Судя по боевому раскрасу, ты к нему подготовился, – улыбнулся Соломон, открывая мне железную дверь ворот.

* * *

Зябким утром я был у небесного забора. Все решилось само собой. Увидев краем глаза белокурую девушку из отдела кадров, я прибавил шаг и поравнялся с ней.

– Привет, – улыбнулась она мне и глаза ее расширились от испуга. – Что это с тобой?!

– Так... – небрежно отмахнулся я. – Бился за честное имя выигравшей команды.

Я незаметно потер бровь, чтобы содрать запекшуюся царапину. Кровь незамедлительно выступила из небольшой раны. Впечатление я произвел нужное мне.

– Подожди, – девушка мигом достала платочек и потянулась ко мне, бережно прикладывая его к ране. – У тебя кровь идет! Пойдем до медпункта, я перекисью обработаю.

– Ерунда, – ответил я и с удовольствием пошел за девушкой.

– Что же ты, Виталик, надо было рану заклеить пластырем. Ведь пыль может попасть или грязь.

К щекам прилил жар. Я только сейчас вспомнил, что работать пришел под Виталькиным именем. Хорошо еще, что она запомнила мое имя, иначе бы я уже представился ей Сергеем.

Жаром обдало уже и всего меня в небольшом помещении медпункта, когда ее тонкие пальчики коснулись моего лица.

– Ты вечером еще помажь, – с тревогой глядя на меня, сказала она. – А сейчас просто поддержи немного. Вот так.

Я поднял руку к брови, и наши руки столкнулись. Смоченный платок упал на пол.

– Я сам не могу себе обрабатывать, я же не доктор. Может... Ты... Ты...

– Ника, – засмеялась она. – Меня зовут Ника. Хорошо, вечером встретимся. Будем тебя лечить.

Я счастливо вздохнул. Все-таки, некоторые дни начинаются как-то по-особенному.

– Там твой цех, – махнула Ника рукой в сторону большого здания, когда мы вышли.

– Во сколько ты заканчиваешь? – крикнул я ей вслед.

– В пять...

В цехе, среди грохота и шума, я отыскал мастера. Суховатый пожилой мужчина, от которого пахло несвежим перегаром, проводил меня к станку и велел дожидаться опаздывающего рабочего, которого он определил мне в наставники, чтобы под его присмотром начать развальцовку металлических трубок.

Я осмотрел станок не очень сложной конструкции. Тиски, зажимы, рычаги... Я почувствовал на себе чей-то взгляд и завертел головой. Напротив меня стоял светловолосый парень и злобно смотрел на меня. Я в недоумении кивнул ему головой, но когда он что-то мне крикнул, я тут же понял, в чем дело. Парень был щербатый. И щербинка была не от расстояния межзубного пространства, а от отсутствия двух белых единиц в центре. Моя поцарапанная костяшка на правой руке тут же вспомнила свой удар по этому веснушчатому лицу.

Подошел, наконец, хозяин станка, такой же грязный, как сам станок и зловонный, как мастер цеха. Мне пришлось долго выслушивать его нудные наставления. Я старался отворачиваться от него подальше, но гул в цехе заставлял мужчину приближаться ко мне, а меня – терпеть этот ужасный запах. Часы показались мне днями. Но после обеда забрезжила надежда, что у станка я останусь уже один. А любые неприятности переносятся гораздо легче, когда становятся временными.

– Ты мне ответишь, сволочь, – прошепелявил щербатый парень, мимоходом толкнув меня, когда мы выходили из цеха на обед. Ситуация складывалась напряженной. Я чувствовал свою вину за его потерянные зубы. Но во вчерашней драке никто не выбирал ни честности боя, ни силы противников. И в то же время я понимал, что мое извинение ему уже не поможет, да и извиняться перед таким волчьим настроением парня у меня желания совсем не возникало.

– Иди ты! – вспылil я в ответ на агрессию.

Теплый полдень выманил всех из заводской столовой на воздух. Рабочие расположились на сваленных в кучу трубах возле здания цеха. Кто-то курил, кто-то доедал пирожки из столовой, кто-то просто сидел... Пустые, бытовые разговоры о предстоящих выходных, о погоде, о политике, о футболе, о сварливых женах, о родившемся внуке, о прошедших выходных... И все.

Мне хотелось скорее завершить этот день. Скорее к Нике, прикосновение чьих прохладных пальцев еще ощущала моя бровь. Домой, к сломанному цветку в красном ведре. К Соло-

мону, где много-много книг и лампочки загораются сами по себе. В ресторан, где музыка проникает к самому сердцу.

Я ощутил страшную никчемность себя и всего вокруг. И страшнее была тонкая догадка о том, что с этой никчемностью мне теперь придется жить очень и очень долго...

* * *

Закончив работу, я тщательно вытер станок. Поинтересовавшись у мастера, где здесь душевая, наткнулся на презрительные усмешки остальных работников.

Отмывшись от стружки и маслянистого запаха, я вышел за территорию завода. Несколько мужчин из нашего цеха стояли неподалеку, возле бетонной коробки, по кругу пуская несколько бутылок с красноватым, дешевым портвейном. Я устроился поблизости, чтобы не пропустить Нику.

Мужчины, завидев меня, позвали к себе. Я медленно подходил к ним, ища повод вежливо отказаться от знакомства с переходящей бутылкой.

– За рулем, – пришла единственно верная, спасительная мысль. Они закивали, стали расспрашивать обо мне. Я односложно отвечал, а в моих глазах продолжали мелькать их грязные ногти, нечистые головы, красные носы и заплывшие глаза. Статус человека, как разумного существа, несколько упал передо мной...

И поднялся. В развевающемся подоле легкого платья, радостной улыбке и сияющих глазах. Ника подошла сама, сжимая от волнения бежевую сумочку в руках.

– Как твоя бровь? – поинтересовалась она.

– Доктора ждет, – подтвердил я.

– Может, сходим в кафе?

– Ага, – смутился я, отругав себя за несообразительность. Но через мгновение я смешался уже окончательно, когда Ника подошла к машине, достав из сумочки ключи от красной мазды.

Я водить умел. Мы часто катались с Виталиком на машине его отца, которую он постоянно брал без спроса по ночам. Мне нравилось управлять автомобилем.

– Хорошая машина! – искренне сказал я, открыв дверь. И отметил про себя: «И дорожная».

– Мне тоже нравится – Ника засмеялась, садясь.

– В Бриз поедем? – спросил я, назвав кафе неподалеку.

– Поедем лучше в Созвездие?

– В Созвездие... – я не знал, что делать. «Созвездие» – так назывался ресторан, в котором я работал. Мало того, что он был достаточно недешевым заведением, да и к тому же, меня в нем знали. – Я только устроился на работу. После института. На рестораны пока еще не заработал. Я не знал, куда девать глаза от стыда.

– Тогда, в Бриз! – Ника отпустила педаль, и мазда плавно тронулась.

* * *

Когда мы заказывали ужин, я с испариной на лбу мысленно подсчитывал наличные. Поняв, что все-таки укладываюсь в нужную сумму, вздохнул спокойно. Ника была очаровательна и без остановки болтала о себе, родителях, заводе, машине, друзьях. Я видел только ее шевелящиеся губы, падающие на плечи локоны, тонкие пальцы, сжимающие бокал. Мне очень хотелось дотронуться до нее...

– Ника, – я облокотился на открытую дверь, когда она села на водительское сиденье.

– Ты не поедешь? – Ника подняла на меня недоуменный взгляд.

– Нет, у меня еще дела, – улыбнулся я. – Меня зовут Сергей, кстати.

– Как?! Я же видела документы!

– Ты понимаешь, – тут я, вдруг решивший ей все рассказать, почему-то передумал. – Понимаешь... Это родители... Назвали Виталием, а дед не одобрил и наперекор всем звал меня Сережкой. В общем, я привык к другому имени...

Я с трудом подбирал предложения, выдумывая на ходу и стараясь не запутаться. И нагнувшись, поцеловал эти сладкие губы. Она не оттолкнула меня. И это было здорово!

Когда красная мазда скрылась за углом, я засунул руки в карманы и, насвистывая, направился к своему ресторану, где я работал почти каждый вечер.

* * *

Первая женщина бывает или забываемая или невоспоминаемая.

– Сережа, – я сквозь сон услышал Никин голос. Но ни открыть глаза, ни повернуться – не мог. У меня просто не было сил. Я только ощущал ее бегающие пальцы по моей спине. – У тебя на шее сзади шрамы, как от укуса. Откуда?

– Не знаю, – пробормотал я, – не помню, чтобы меня кто-то когда-то кусал, кроме сказочного змея. Может, меня так целовала девушка, которая сейчас лежит рядом?

– Нет, смотри. Вот! – Ника вскочила с кровати и принесла два зеркала, и я увидел на шее бледные точечные разрывы кожи в некоторых местах.

– Ого! Да меня грыз медведь!

– Вставай, шутник, на работу опоздаем.

– Сама и вставай. Пока ты будешь краситься и одеваться, я еще сто раз выплещу.

Ника ушла на кухню умываться. Сон уже ушел от меня, и я просто лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь уютной постелью и удобством вытянутого тела.

...Прошло полгода, с тех пор как мы познакомились. Чудовищные и жуткие шесть месяцев. Счастливые и сладкие две сотни дней и ночей.

Мы встречались, как только у меня было свободное время, а было оно у меня исключительно между двумя работами, вечером – часов пять, и на рассвете – часа три. Выходные – были праздником, там удавалось выкроить часов восемь подряд.

Сначала я летал на крыльях... Но постепенно они стали резко отваливаться. Я тратил все свои деньги на Нику, на ужины, и еще на всякую мелочь. Ника просто не понимала, что для меня это довольно приличные деньги, на которые мне самому надо жить, но указывать на это или в чем-то ей отказать – я не мог.

Я приносил цветы, открывая железной линейкой ее машину, и клал их на водительское сиденье. Подбрасывал ей в сумочку маленькие духи, засунув их в обертку от пачки семечек и подложив записку. Забирался в ее кабинет, заплатив полтинник сторожу, и ставил на ее стол пакет с горячим завтраком из макдональдса перед самым ее приходом на работу. Ночью я вставлял ей в джинсы новомодный ремешок, украшенный камешками, и с удовольствием слушал ее радостный визг утром.

Надо было видеть ее распахнутые от счастья глаза, ради которых я был готов свернуть не только горы. Я собирал каждую копейку, чтобы только лишний раз порадовать Нику. Приходилось туго, охамевший друг в ресторане забирал все шестьдесят процентов, и я с большим упорством недоливал, недокладывал и широко улыбался подвыпившим теткам ради увеличения чаевых. Когда на заводе выплатили первую зарплату, ее хватило на четыре нормальных ужина. И даже не в кафе! Нет, это была стоимость продуктов, которые мы купили и приготовили дома.

Так, наверное, я познал четвертого бога – любовь...

...У Соломона я бывал часто. Я приходил, садился на диван в кабинете с камином, доставал из шкафа понравившуюся книжку и нередко просыпался утром, укрытый пледом, от звона

будильника, который Соломон ставил для меня возле дивана. Ополоснувшись ледяной водой, я бежал на завод. Соломон ни о чем не спрашивал, и почти не обращал на меня внимания. Открыв мне дверь, Соломон сразу возвращался к своим делам. Мы мало разговаривали. Разве только, когда он отрывался от компьютера, чтобы выпить кофе или выходил курить на веранду. Тогда он мог переброситься со мной парой фраз о прочитанной книге или пошутить над чем-то. Это было странно. Соломон пускал в дом незнакомого мальчишку, как собственного сына. Я приходил к нему, как к себе домой. Меня сильно манил к себе и этот дом, и сам Соломон. Я словно черпал там энергию...

Я не жил это время, я мчался с бешеной скоростью по колесу времени. Под глазами появились темные круги, тело постоянно болело, но появлялась Ника и все исчезало. Правда, она уходила... И усталость возвращалась...

– Ник! А почему ты работаешь на заводе? – я перевернулся на спину, любуясь ее точеной фигуркой. Ника стояла в одном нижнем белье и пыталась погладить свое платье, помятое нами вечером.

– А где мне работать? Папа сказал, пока я не выйду замуж, я буду работать. Из института меня выгнали на втором семестре. Только я все равно не понимаю, зачем мне работать, если вот это самое платье стоит два оклада. Но не буду же я ругаться с родителями? Пускай! Я все равно ничего не делаю, только в интернете сижу, – Ника подошла ко мне. – Вот возьмешь меня замуж, я буду дома сидеть. Возьмешь?

Я с удивлением посмотрел в ее глаза. Она ждала ответа. С каким-то трепетом и наивностью.

– Ты – серьезно? – опешил я.

– Ой, платье! Мое платье! – Ника сдернула утюг со стола. – Ой!!! Мое любимое платье... Почему у тебя такой допотопный утюг?!

Ника прижала к лицу платье и заревела в голос, забыв о всяком замужестве.

– Ну купим тебе платье, что ты реवेशь-то, горе какое. Тут и не видно ничего, вот несколько складочек только образовалось, – я подошел к ней и обнял. – Как будто, так и надо было.

– Дурак! Это испортилось мое платье! Такое не купишь уже!

– Другое купим, – отрезал я. – Одевайся. Нашла из-за чего слезы лить. Ну хватит, Ника. Никочка... Сегодня пойдем в магазин и купим тебе новое платье.

Я целовал ее мокрые ресницы. Ника успокаивалась, нервно всхлипывая, и недоверчиво глядя на меня.

– Ладно, – успокоилась она окончательно. – Еще вот что.

– Что? – натягивая брюки, спросил я.

– Мне не нравится, что к тебе ходит Алла. Она хорошая, я понимаю. Но пусть она не ходит.

Ника обернулась к зеркалу и достала ватные диски, чтобы вытереть потекшую тушь с ресниц. Я промолчал.

...Все в моем доме было поставлено, прибрано, вымыто еще детскими, а потом и повзрослевшими руками трудолюбивой Аллы. Даже большое зеркало, возле которого сейчас стояла Ника, было повешено над комодом по настоянию Аллы. Она и сейчас, окунувшись в свою любовь, всегда умудрялась найти время, чтобы забежать ко мне и сделать некоторые дела по дому и огороду, приготовить на скорую руку обед. Я понимал, что Нике было неприятно Алкино хозяйское присутствие, но и поддаться этому капризу я не мог. Я пробовал их подружить, но ничего не вышло. Алка смущалась Ники, а Ника очень хотела сблизиться с Аллой, но ничего общего у них так и не нашлось. Поэтому, если мы приходили с Никой, то Алка под любым предлогом сразу убегала. Да и к тому же, у нее появился еще один дом, которому тоже были нужны ее руки, забота и любовь.

Ее парень, обычный, простой парень, работал временно вроде сторожем. Вполне веселый и дружелюбный. Мать у него была вечно в разъездах, отец пил, сестра училась в последнем классе. Толик был не прочь выпить, и первое время они с Виталькой хорошо ладили. Ходили на излюбленный Виталиком футбол и пили водку. Алка была счастлива. Устроившись работать швеей, она мечтала скорее обрести свой уголок. Родители ее тоже ждали, когда она выйдет замуж, чтобы считать свой долг выполненным. Они и любили Аллу, но уж больно на нее надеялись с детства. Что она выучится... А она еле дотянула девять классов. Что удачно выйдет замуж... Но ее парень совсем не соответствовал ожиданиям Алкиных родителей. Поэтому, они сосредоточили внимание на младшей дочери, махнув на Алку рукой. А мне все не давало покоя то видение, когда менялось Алкино лицо, появлялся полный мужчина и младенец без век. Это повторялось несколько раз.

– Сегодня у моей сестры день рождения, пойдем к нам? – Никин голос вывел меня из одной задумчивости и мгновенно окунул в другую. Ника познакомила меня со своими друзьями сразу. Благополучные, богатые, беспечные... Они пели вечерами в караоке баре, играли в боулинг, ездили по выходным на шашлыки, меняли машины и имели хорошие должности, не очень при этом утруждаясь ни самой работой, ни ее качеством. Они как птенчики сидели, посаженные родителями в теплые гнезда, и потихоньку входили в курс дела, которое должны были продолжить. Среди них были и плохие, и хорошие, и умницы, и бездельники. Я выкраивал время и иногда встречался с ними. Ника представляла меня, как своего парня, держала меня за руку и заглядывала в глаза. Ее знакомые принимали меня дружелюбно, но некоторая разобщенность между нами оставалась. Как если бы в одной норе жили полевые мыши и зайцы.

Поэтому я без неохоты тут же ответил:

– Я работаю в ресторане сегодня. Не получится.

Никин взгляд мгновенно погас и она, быстро одевшись, вышла на улицу. Утро встретило нас пустынными улицами и впереди едущей, огромной поливальной машиной. Водитель, наверное, задумался о чем-то, потому что разбрызгиваемая вода устремлялась не на асфальт, а высокой диагональю на стоящие деревья, отделяющие тротуар от проезжей части. Ника не стала обгонять машину, и мы тащились позади, открыв окна и вдыхая влажную зелень листвы.

– Я, наверное, буду увольняться с завода, – произнес я, когда мы остановились на светофоре. Поливальная машина медленно удалялась от нас.

– Как?! – воскликнула Ника, и в одном этом слове я почувствовал ее испуг от потери наших встреч в заводской столовой, за зданием цеха во время моих перерывов, в пустом кабинете отдела кадров, когда еще никто из сотрудников не приходил...

– Я не могу работать на двух работах, – пояснил я. – Ведь я хотел работать инженером, а не рабочим. За такую зарплату я не вижу смысла целый день резать и развальцовывать эти трубы, а ночью вкалывать за барной стойкой. Я больше не могу, Ника.

– Постой! – вплеснула она руками, отпустив руль. Я вовремя успел его придержать. – Инженер ОТК уходит через пять дней! Он дорабатывает свои две недели. Ты анкету заполнял? Я сегодня же посмотрю. Пока никаких приказов о сотрудниках на его должность я не видела. Ты подойди к начальнику. Слышишь?

– Хорошо, – вздохнул я. Мне не нравился ни унылый завод, ни пьющий коллектив, ни однообразная, грязная и бессмысленная работа. Я понимал, что и, будучи инженером ОТК, я буду лишь выписывать стандартные бланки и следить за столетним оборудованием. Мне совершенно не хотелось быть таким же человеческим оборудованием на ближайшие полвека.

– Сегодня же иди! С утра иди! – Ника уцепилась за последнюю возможность быть вместе. Но заметив полное отсутствие воодушевления на моем лице, тревожно переспросила: – Пойдешь? Там зарплата больше, надбавки дадут, и можно будет уйти из ресторана... Пойдешь?!

«Счетовод... – про себя усмехнулся я. – Даже инженерной зарплаты хватит на полмесяца жизни вдвоем с тобой. При условии полного отсутствия ужинов вне дома и покупок одежды. А еще замуж собралась за меня».

– Пойду, пойду, – пробормотал я, когда мы уже припарковались у забора. Выходя из машины, я заметил пронзающий меня взгляд стоящего неподалеку белесого парня, который работал со мной в цехе. Про себя я звал его щербатым, хотя, более точно его следовало бы называть беззубым.

Все это время, пока я работал на заводе, он, казалось, затаил на меня такую сильную злобу, которая вот-вот прорвется. Я вечно чувствовал его ненавидящий взгляд на себе. В принципе, я его понимал: остаться без верхних передних зубов в случайной драке – довольно досадно. И если бы не Ника, я, возможно, помог бы ему деньгами...

Если бы не Ника... Я ушел бы с завода через неделю. Меня раздражала эта нудная работа, грохот станков и ежедневное ожидание окончания трудового дня. Возможно, какой-то атомной станции, несомненно, нужны были наши трубы, но их отупляющее разум производство, совершенно не нужно было человеку лично. И никто никогда не сможет переубедить меня в этом. Но я ни у кого не замечал ни тени негодования по этому поводу. На заводе работало больше тысячи человек. И каждый утро они спокойно занимали свои рабочие места и до самого вечера делали один и тот же набор необходимых действий. Изо дня в день, из года в год... Мне казалось, что подобный монотонный труд нужно максимально автоматизировать, а если не получается, то предельно сократить его в жизни отдельного человека и обязательно дать еще один, другой, направленный на развитие, поиск, исследование, обучение...

Даже, Ника в своем отделе, по сути, стояла у бумажного станка...

– Ж-ж-з!!! – я отшатнулся вовремя. Задумавшись, я чуть не лишился руки. Остановив станок, я вышел на улицу.

«Черт... То я засыпаю от усталости, стоя у станка, то мысли уносят прочь от безжалостного агрегата», – в последнее время у меня часто срывались руки при обработке мелких деталей. Всякий раз я мгновенно обливался холодным потом, и выходил на улицу, намереваясь дойти до отдела кадров и уйти с этого завода. Но в пыльной комнатухе на меня устремлялся радостный Никин взгляд, и уже через пять минут, где-нибудь за углом, она теребила мне волосы, а я, целуя ее, забывал обо всем на свете.

* * *

– Мы подумываем о том, чтобы жить вместе, – сообщила Алка. Она стояла у плитки и резала капусту. – Тебе щи сварить или борщ? Толик в гараже помогает автомеханику. Ты знаешь, у него золотые руки!

– Вофв, – я переделывал набойки на ее туфлях, и во рту у меня были зажаты губами мелкие гвоздики.

– Виталик на работу устроился и совсем скис, – продолжала Алка.

– А чего ему радоваться? Знаешь, как трудно рожденному футболисту в офисном костюме об стул штаны тереть? Тебе, что ли, от работы радостно? Строчишь там свои пододеяльники целыми днями, вон зрение уже посадила, смотри, как шуришься.

– А как же? – обернулась Алка.

– Что, как же?

– Всем работать надо. У меня теперь деньги есть.

– На что?

– На еду, – растерялась она. – На одежду.

– То есть, ты хочешь сказать, что, уходя из дома в семь и приезжая в восемь, ты целый день, не опуская рук, делаешь только то, и только затем, чтобы быть сытой и одетой? А когда ты живешь? Жизнь зачем дана? Для борьбы с голодом и холодом?

– Для счастья... – недоумевала Алка.

– И где оно у тебя? В выходной, когда все дела поперделаешь и валишься от усталости? Неужели нет способов и работая, получать удовольствие?

– Отстань! – помотала она головой. – Отстань. Ты тоже какой-то свихнутый стал. Это, наверное, из-за Ники. Где она, кстати?

– У ее сестры день рождения, а я не пошел, мне в ресторане работать сегодня, – я сходил в комнату и принес свои сбережения. Разложив богатство на стол, я стал пересчитывать купюры.

– Убери деньги, я тут готовлю. И вот еще, ты их подальше бы убрал. Лежат себе под цветком на комод.

– Они салфеткой прикрыты и горшком придавлены. Надежно, – засмеялся я. – А где вы жить собрались?

– Не знаю, – пожала Алка плечами. – У него мне не хочется, там отец пьет. Ко мне – мои против. Может, снимем чего.

– О, да. А ну-ка, дай я посчитаю, – я достал телефон и включил калькулятор. И торжественно выдал: – С учетом инфляции, на квартиру заработаете приблизительно через семнадцать лет при сильной экономии. Это, если не снимать ничего.

– Заткнись со своей математикой. Если так думать, то жить не захочется. Тебе очень надо мне портить настроение? Или от твоих слов что-то изменится? Иди зелени срежь, почти готово. Поедим, да я пойду.

– Можете у меня жить, если хотите. Я в зале буду, а вы в маленькой комнате, – я встал из-за стола, прикинув в уме, что мои сбережения тают на глазах, и пора бы мне заняться поиском другой работы. Я отсчитал небольшую сумму на платке Нике, потом еще одну протянул Алке. Остальные отнес обратно, под широкий горшок.

– Спасибо, положи на буфет, у меня руки мокрые.

Телефон пропиликал сигналом сообщения. Ника скучала без меня. Я улыбнулся.

– Вот оно – счастье-то, – заметила мою улыбку Алка. – Почему ты Нике не расскажешь все о себе?

– Я рассказал ей.

– Что?

– То, что живу один и зарабатываю себе на жизнь сам.

– А про родителей?

– Сказал, что не сошлись характерами и я начал самостоятельную жизнь в доме умершего деда.

– Расскажи Нике все, как есть!

– Зачем? – удивился я.

– Чтобы она понимала тебя.

– Этого никогда не будет.

– Но почему? – Алла взмахнула руками.

Я отрезал:

– Это за гранью ее понимания!

– Она любит тебя, она обязательно все поймет...

– Чтобы Нике понять меня, ей нужно прожить тысячу жизней. Я с завода уйду, у меня на него сил не хватает.

– Приехали, – расстроилась Алка. – Да ты должен благодарить бога за любой шанс! За любую работу, ну уж никак не бросать ее... Пока есть возможность – надо работать!

Глава 2

Посетители разошлись поздно, часам к четырем утра. У меня уже слипались глаза, радовало только то, что сегодня пятница и завтра завода не будет. Я шел по ночному городу, еле волоча ноги. Мне хотелось только одного – спать, спать и спать. Меня знобило от недостатка сна и шатало от усталости, тошнило от запаха сигарет, туманом которых были окутаны мои ночи среди пьяных клиентов. Это было обычное состояние после ресторана. Мечтая о том, как я вытянусь сейчас в чистой постели, я подбадривал себя тем, что ночь была крайне удачной в материальном плане. Я мысленно помогал сам себе: «Вот еще три дома до поворота, пустырь... Еще чуть-чуть».

Калитка не закрыта. А дверь в дом и вовсе распахнута. Я вошел в коридор. Прохладный рассвет сочился в окна, слабо освещая разбросанные вещи и разломанную мебель. Гардины были сорваны, все вещи выброшены на пол, цветы сброшены с подоконников, стол и стулья поломаны. Кривой комод зиял слепотой выданных ящиков. На нем не было телевизора и видеопроигрывателя, а также и цветка, под которым я хранил все свои деньги. Это вряд ли были воры, они не стали бы ломать мебель. Тут с молотком или топором в руках прошла остервенелая скотина, которая смачно раскрошила каждый кусочек моего дома. Диван стоял с распоротым сиденьем, у кровати – вырвана боковая часть. Под моими ногами лежали нежнейшие тончайшие шторы. Изодранная белоснежная ткань еще местами отражала падающий свет. Алкина гордость. Ей не было и двенадцати, когда она всю зиму терпеливо расшивала нижние края штор огромными переплетающимися снежинками из бесцветного бисера и стекла. Вечерами под лампой он сверкал и переливался как запотевший бриллиант. И даже мы с Виталькой признали это произведением искусства, кропотливо перерисовывая рисунки на тетрадные листки, а потом высчитывали раппорт снежного изображения на краях штор, закалывая отмеченные места английскими булавками...

Я вышел на крыльцо и сел, зажав голову руками. Вдалеке поднимался край солнца, подкрашивающий синее небо в розовый цвет. Ветер шевелил безжизненные оборванные провода, болтающиеся на столбе. А у меня текли по щекам соленые слезы.

* * *

Я отчетливо видел, как шербатый громил мой дом. С каким зверством он швырял все на пол. Он был не один. Я увидел еще трех ребят, которые с азартом крушили все, что попадалось под руку. У меня были закрыты глаза, но двигающаяся картинка становилась все четче. Я услышал их разговор. Затаившись, я боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть видение. Оно было настолько ярким, что, казалось, я заговорю, и они услышат меня.

Вот они смахнули горшок с комода, шербатый сдернул салфетку, и, злорадствуя, спрятал деньги во внутренний карман куртки... Закончив, они упаковали телевизор, плеер, мой старенький ноутбук в широкую сумку. Я медленно пошел за ними.

– Сережа! Сережа! – я с трудом открываю глаза, видение растворяется, и я не понимаю, кто трясет меня за плечо.

– Что случилось? – Ника тревожно заглядывает в открытый дверной проем и переводит взгляд на меня. – С тобой все в порядке?

– Да, – выдавливаю из себя. На секунду опять закрываю глаза и вижу ее. Ту девушку с длинными каштановыми волосами. Она стоит спиной ко мне и оглядывается. Улыбается и кивает. Мне становится тепло. Уходит тревога и пропадает злость.

Я часто их вижу в последнее время. Его, здорового, крепкого. У них обоих светлые и грустные глаза. У него на правой руке массивное кольцо с сапфиром на безымянном пальце. Мужчина и женщина приходят ко мне по одному и вместе. Иногда стоят рядом. Но я чувствую их отдельность. Они не знакомы друг другу. Они не видят друг друга, несмотря на то, что находятся рядом. Мужчина часто мечтательно смотрит куда-то в небо, а девушка нередко хмурится. Я уже привык к ним. К странности их появления в моей голове...

– Надо позвонить в милицию, – Ника достает телефон.

«Лучше в дурдом, – мысленно отвечаю ей. – Похоже, я просто-напросто схожу с ума».

– Не надо никуда звонить, – совершенно успокоившись, говорю Нике. Но ей не нравится мой безразличный тон. Я поднимаюсь с крыльца и захожу в дом, поднимая разбросанные вещи.

– Тут все разбито! Кто же это сделал? Тебя ограбили! Надо вызвать милицию. Не трогай ничего! – кричит Ника. – Я звоню!

– Нет, я сказал, – впервые я повышаю на нее голос. Она замолкает. Я чувствую запах ее духов. Но почему-то Ника сейчас кажется очень далекой, хотя стоит рядом.

– А ты чего приехала? – я смотрю на часы. Стрелка только приближается к пяти утра.

– Соскучилась, – растерялась она, и я вспомнил, что вчера вечером Ника была в гостях, и мы не виделись.

– Прости, – я извинился за грубый вопрос, удивившись самому себе.

– Виталик, ты не мог бы подъехать срочно? У нас беда, – Ника все-таки позвонила.

– Кто тебя просит? – раздражаюсь я. – Чего ты лезешь не в свое дело?

Но Ника не слышит и снова набирает номер:

– Алла! Алла, извини за ранний звонок. Приедь, пожалуйста, к Сергею. Да, сейчас.

– Да ты обалдела, что ли?

– А что делать? Мне страшно! – Ника начинает всхлипывать и, подойдя ко мне, утыкается мне в грудь. Я обнимаю ее и оглядываю комнату, думая о том, с какого угла начать разгребать.

Через полчаса бесполезного стояния с Никой, которая не отпускала меня, обнимая за шею, приехал Виталька с Аллой.

– Ничего себе, – почесывая в затылке и перешагивая через предметы, Виталька обходил дом. – Это вообще, что?

Алка без лишних вздохов быстро сориентировалась и, командуя Никой, стала прибираться в комнатах.

– Это щербатый, – рассказывал я Витальке, когда мы пытались собрать кровать. – Помнишь ту драку в спортбаре? Я ему зубы выбил. А он на заводе в одном цехе со мной. Выследил и отомстил.

– Вот сука! – Виталика захлестнула злоба. – Ну не жилец он теперь. Я ему все руки вырву! Я их шайку пэтэушную знаю.

– Ты кровать держи! – я еле успел убрать ногу, потому что Виталька, размахивая рукой, бросил тяжелую боковину. У меня не было злости. Оцепенение давно прошло, и вернулась смертельная усталость. Мне было досадно. И хотелось спать. Сон мне сейчас казался верхом блаженства. Ломило спину и ныло тело. Я был готов умереть, лишь бы только лечь и не слышать, и не видеть больше ничего.

– И денег нет? – Алка подошла к нам. – А я говорила тебе! Ведь я предупреждала!

– Вот и накаркала, – пробормотал Виталька. – Они все равно бы нашли. Тут все перевернуто!

Ника молча ходила из угла в угол. Растерянно она поднимала какие-то вещи, не зная, куда их положить. В ожидании подсказки смотрела то на Алку, то на меня, потом клала вещь на какую-нибудь поверхность и снова оглядывалась вокруг, не понимая, что делать.

Алка села у пустого подоконника с листком бумаги и ручкой, подсчитывая убытки.

– Все надо! Они даже постельное белье изодрали! Ну что за звери? – причитала она вполголоса, записывая колонку цифр.

– Смотри с позитивом! – я подбодрил ее. – Хорошо, что дом не подожгли.

Алка охнула, Ника выронила из рук последнюю уцелевшую тарелку, которая со звоном разбилась.

– На счастье! – буркнул Виталька. – Ника, может, ты просто сядешь и посидишь? От тебя толку никакого нет.

– Виталик, – зашипел я, видя, как Ника остановилась посреди комнаты и часто заморгала.

– Ну тысяч пятьдесят надо, – закончила подсчеты Алка. – На самое-самое. Замок в двери, окна, посуда, одежда...

Виталик выругался. Возникла пауза. Мне в тот момент было все равно. Я не думал о том, что дом, то есть необходимые для существования предметы надо каким-то образом восстанавливать или покупать. Я словно оказался опять в детстве, когда у меня ничего не было. Но сейчас имелись опыт, руки и голова. Поэтому мое положение представлялось мне не таким ужасным на данный момент, но очень нежелательным. Ведь мне предстояло несколько месяцев зарабатывать, а потом тратить деньги на то, что у меня исчезло за одну ночь. При том, что меня быт абсолютно не интересовал, если обладал комфортным минимумом. Но в глазах друзей я видел ужас и жалость, и от последнего мне делалось не совсем хорошо на душе.

– Что же делать? – глаза Ники были полны слез.

– Что делать, что делать, – проворчал Виталик. – У папочки своего попроси.

– Он мне не даст столько, – Ника развела руками. Я знал, что ее отец хотел, чтобы Ника училась и становилась ему полноценным помощником в семейном бизнесе или чтобы она вышла замуж за сына его партнера. Поэтому он постепенно урезал все ее расходы, сведя их на нет, надеясь на то, что Ника образумится. Но она и не думала двигаться ни в какую сторону, спокойно сидела в своем отделе кадров и бегала ко мне.

– А ты хорошо попроси, что ж твоему любимому без окон, без дверей оставаться? – не унимался Виталька. – Машину продай.

– Перестань, не надо ни у кого ничего просить, я выкручусь, – остановил я его. Я не понимал, почему Виталька так раздражен. Возможно, что в случившемся он винил себя, как зачинщика драки в спортбаре, и поэтому срывал зло сейчас. – На работу уже пора.

– Вечером встретимся, – решила Алка. – Подумаем.

– Я придумал, – Виталька собрал с пола ножки от стульев. – Я кредит возьму, понемногу выплатим.

– Ты же за машину выплачиваешь, – возразила ему Алка, сгребая с пола землю из цветочных горшков картонкой.

– Да нормально все, – сказал Виталька. – У меня зарплата хорошая, и с завода еще можно подтвердить доход. Дадут небольшой кредит.

– Но там такие проценты, – покачала Алка головой.

– А вот если Ника перестанет бегать по всем магазинам, то Серега быстро все отдаст, – на этих словах Ника, не выдержав, выскочила из дома на улицу. Виталик удовлетворенно продолжил: – И я с ребятами поговорю, надо разобраться с этим беззубым. Хорошо надо разобраться, чтобы он с процентами вернул.

– Не вздумай, – твердо проговорил я. – Я не хочу никакой войны. Мне это противно.

– Боишься? Христианин какой милосердный. Свечку ему еще поставь за здоровье.

– Не надо меня на слабо брать и к чести вызывать, – сказал я устало. – Мне не нужны эти тараканы бои за справедливость. К черту все. Мне ничего не надо. Сможешь, кредит взять – спасибо, я отдам. Хоть тысяч двадцать, мне на первое время. Нет – не надо. Ты и так для меня много делал. Но никуда, слышишь, никуда не ходи.

– Во дурак... – Виталька не успокаивался.

– Сережа правильно говорит, – Алка сдернула болтающуюся половину гардины. – Ни к чему это. Это не люди, а волки. Зачем грызться с ними? Да они потом еще хуже сделают. Ты чего Нику обидел?

– Поделом ей. Пусть деньги считает. У нее семья богатая, а она с Сергеем порхает, как бабочка. Ах, мне на усики пыльцу надо золотую... Ах, мне на машину диски новые надо...

– Я сам, – обиделся я за Нику.

– Сам, не сам. Она что, не видела, как ты днями и ночами пашешь? Пусть бы из отца тянула.

– Да не тянула она!

– А то я не видел, – не согласился Виталик. – В кафе-то и в магазины она часто тебя звала. Пришла б вон, как Алка, наварила бы картошки, да покормила бы любимого своего и друзей своих. А вместо платьев и духов лучше бы в дом что принесла!

– Да не лезь ты! Ника не умеет жить так, как живу я.

– И на фиг она тебе такая? Стоит сейчас, ручками разводит, ни подмести не может, ни дельного ничего предложить? Сам дурак, значит, бабки на нее тратил.

– А куда их еще тратить, если не на жизнь? – удивился я. – Значит, сам дурак. Закрыли тему. Отстань от нее.

– Да отстал. Поехали, сейчас справку возьми с работы, сразу кредит оформи. Возле рынка я видел коммерческий банк, в день обращения дают. А у меня еще остались с работы документы, когда машину брал. Они еще не истекли.

Ника стояла у своей машины, пиная мыском туфли запачканное землей колесо. Увидев нас, она сразу села на переднее сиденье. Виталик бросил на нее сердитый взгляд. Я толкнул его в плечо. Он махнул рукой.

* * *

Мы с Никой зашли в отдел кадров, она распечатала мне справку о доходах и поставила печать. Когда я вышел на улицу, Виталька разговаривал по телефону, что-то возбужденно крича в трубку. Потом подскочил ко мне:

– Давай ты сам, быстренько. Отпросись у мастера на час. Вот паспорт и документы. У меня тут по работе срочные дела. Возле рынка банк, рядом с мастерской.

– Может, потом? – мне не хотелось сейчас никуда бежать и ни о чем думать. Бессонная ночь сейчас туманом облепляла мои мысли.

– Сейчас. Потом выходные. Давай, мне пора, позвонишь. Алла, садись, я тебя подброшу. Поехали быстрее, мне некогда.

– Езжай, – сказала подошедшая Ника. – А я пока к мастеру сбегая, скажу, что ты чуть-чуть опоздаешь. Иди.

– Ладно, – вяло согласился я, убирая документы в карман.

– Сереж! – окликнула она меня, когда я отошел от проходных. Я остановился, она подбежала. Волосы ее светились на солнце, а глаза искрились. Я с удовольствием поцеловал Нику. – Я тебя люблю!

– И я люблю тебя, – склонил я голову набок, улыбаясь ей. Ника убежала, а я смотрел ей вслед. Небо заканчивалось где-то в конце улицы. Мне стало очень легко. Я почувствовал себя настолько большим, больше этого города, больше мира. Я почувствовал вечность. Что-то такое, чего ни отнять, ни украсть нельзя. Но этим очень хочется поделиться. С кем-нибудь таким родным, как Никины глаза.

Через полчаса я вышел из банка. Быстро заполнив все документы, они пообещали перезвонить через пару часов. На завод я шел в приподнятом настроении, стараясь не думать о разрушенном доме. Во-первых, я вспомнил, что сегодня должны выплатить зарплату, во-вто-

рых назавтра был выходной, а значит днем можно будет отоспаться, и в-третьих, я все-таки решил уйти с завода и не истязать себя за копейки. А в-четвертых, сегодня, то есть завтра на рассвете, после ресторана, наверное, прибежит Ника и, мы утром долго не встанем с постели...

Я проходил мимо палатки с горячими пирожками и ароматным запахом кофе.

«Ладно, не маленький, – сглотнув слюну, прошел мимо. В кармане была последняя тысяча рублей. – Обойдусь».

Проскользнув в цех, я по привычке взглянул в сторону. Щербатого не было. Его станок стоял выключенным.

«Вот и хорошо. Не готов я его сейчас видеть. А больше и не увижу. Если повезет, в понедельник напишу заявление об уходе и уйду без отработки. Лучше другую работу поищу».

Монотонный шум мгновенно вгонял меня в сонное состояние. Я тер уши ладонями, мотал головой и поднимал руки вверх время от времени, пока мастер не стал странно поглядывать в мою сторону. В обед я есть не стал, несмотря на одолевавший голод. Я испугался, что после еды разморит так, что усну стоя.

Самой заветной мечтой сейчас было упасть и закрыть глаза, которые от напряжения начинали слезиться.

Зарплату выдали, и я прикидывал, что мне необходимо в первую очередь сделать. Рассчитал, что после завода можно будет поспать часа четыре до ресторана. Я раздумывал о том, пойти ли домой или остаться на проходных у сторожа в его каморке. Старик был добрый, и я часто пользовался его узкой кроватью, застеленной лоскутным одеялом, чтобы не тратить время на дорогу. Перезвонили из банка, сообщив одобрение на семьдесят тысяч.

– Виталий! – подошел ко мне мастер, и я от неожиданности не сразу вспомнил заводской псевдоним. – Не успеваем. Сегодня двое у меня не вышли на работу.

– И? – опешил я. Задерживаться я никак сегодня не мог. Перед рестораном кровь из носу нужно было поспать, потому что в пятницу там и народу много, и гуляют почти до утра, а я не спал уже больше тридцати четырех часов. – Я остаться не могу.

«Вот, в сторожке теперь не останешься, увидят, – завладело мной недовольство. – Что за жизнь?»

– Завтра выходишь на полдня, двойную поставлю за день.

«Отсыпание завтра тоже отменяется, – раздражение мое лилось через край. – Что следующее?»

* * *

– Сережка! – Ника посигналила мне, когда я вышел с завода. – Куда едем?

– В банк, потом ко мне. Я посплю перед работой.

– Ты в ресторан сегодня? – разочарованно спросила она. – Я думала, мы поедем за город. Наши сняли коттедж возле прудов на два дня, там карпы есть. Можно и поплавать. Весело будет!

– Ника, я не могу. Езжай одна.

– Я хотела с тобой побыть.

– Тогда оставайся и жди меня. Я утром приду.

– В разбитом доме? Там окон нет! И дверь взломана!

– Ника, мне больше нечего предложить.

– А давай я уеду вечером, а утром приеду за тобой?

– Давай, – согласился я, туго соображая. – Нет, не давай. Мне завтра на завод утром.

Ника отвернулась в окно. Я видел, как сильно она расстроилась. Наверное, так же, как и я. Мы ехали молча и думали об одном и том же. О том, что сегодня не наш день, о разбитом доме, о ночи, которую не провести вместе, о зарплате...

– У тебя есть деньги, мне заправиться надо? – спросила Ника. Я вытащил пятьсот рублей и протянул ей. – А то зарплату выдали, а я в обед бегала с Ленкой за мороженым, а там джинсы привезли. И прямо мой размер, и карманы прорезанные, и внизу заужено. Очень классные джинсы. Как раз для пруда сегодня! Я так вовремя их взяла! Такая модель была единственной! Сейчас покажу!

– Не надо, оденешь потом, я посмотрю...

Последнее, что я помню, как дома Ника крутилась передо мной в новеньких джинсах, которые ладно облегали ее стройные ноги, и у меня шевельнулось что-то внизу живота. Она припала ко мне, прижимаясь всем телом, и я вырубился.

* * *

– Ой, Сереж, извини, я тебя разбудила? – открыв глаза, я увидел Алку. Она нечаянно задела стоящий у стены ящик комода, который с грохотом упал, разбудив меня.

– Ничего, – отмахнулся я. Достав телефон из кармана, я посмотрел на дисплей. Было около восьми. Голова гудела, ноги и руки были ватными. Поднялся, как столетний старец, беззвучно скрипя телом. В глазах потемнело, я прошел на кухню и плескал холодную воду на лицо.

– Деньги дали? Давай, кофе согрею.

– Дали, – я вытащил купюры. – Вот это из банка, вот зарплата. Вот документы, Витальке отдашь. Я пошел на работу.

– Иди, – Алка с сочувствием поглядела на меня.

– А Ника была? Ты во сколько пришла?

– Не было ее. Мы с работы сразу к тебе. Замок в дверь уже врезали. А Виталька за стеклами уехал. Ты иди, не беспокойся. Ключи новые возьми. Сегодня, может, успеем вставить стекла. А завтра займемся остальным. Ой, Сережка, у тебя глаза красные. Ты ел хоть?

– В ресторане поем.

С улицы донесся шум машины.

– Давайте стекла выгрузим, – зашел Виталик.

– Кофе попейте, мальчики, – Алка поставила две чашки на стол. Насыпала кофе и налила из чайника вскипевшую воду. Сама отвернулась к окну, протирая подоконник. Движения рук были скованными, спина – чуть сторбленной, голова грустно опущена. А подоконник-то был чистым...

– Дай еще чашку мне, – оживленно потребовал Виталька, доставая бутылку из-за пазухи. Он, напротив, был в радостном возбуждении.

– Ты меня подбросишь сначала, алкаш?

– Ну подброшу. Дворами и проедем. И ты выпей – взбодрись немного.

– Я тоже буду, – неожиданно Алка поставила на стол железную кружку. – Чашек больше нет, все перебито остальное.

– А что произошло? – я поразился Алкиному выражению лица. – Из-за меня такие лица? Или что-то еще случилось?

– Ничего страшного. Наливай, Виталь, – отмахнулась Алка, не желая продолжать разговор. Я перехватил бутылку и спрятал ее за спину.

– Ну-ка говори, что стряслось. Я жду.

Алка сложила руки на коленях и отвернулась, глубоко и прерывисто вздохнув.

– Ну? – потребовал я.

– Приехала его мама несколько дней назад, узнала, что Толик бросил училище и ничем толком не занимается, а отец совсем ни за что не отвечает и беспорядочно пьет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.